

УДК 821.161.1

**РОЛЬ КНИГИ И ЧТЕНИЯ
В СТАНОВЛЕНИИ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКА
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII – XXI вв.
(М.Н. Муравьев, С.Т. Аксаков, В.П. Крапивин,
Ф.А. Камалов, Б.Г. Вайнер)**

А.Ф. Галимуллина

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассматривается тема становления личности молодого человека в русской литературе XVIII – XXI вв. На примере автобиографической прозы М.Н. Муравьева («Обитатель предместья»), С.Т. Аксакова («Детские годы Багрова-внука», «Семейная хроника»), В.П. Крапивина («Шестая Бастионная»), Ф.А. Камалова («Здравствуй, Артём!») и Б.Г. Вайнера («У дороги чибис») прослеживается преемственность традиций, заложенных русскими писателями XVIII – XIX вв. Перечисленные авторы в своём творчестве обращаются к острым проблемам детства и подросткового возраста: нравственному и духовному формированию личности подростка, проблеме противостояния добра и зла в детском коллективе и в душе самого подростка, вопросам защиты мира детей от взрослых, взаимоотношениям взрослых и детей. Делается вывод, что современные произведения, адресованные детям, формируют в читателе-ребёнке устойчивый интерес к чтению, ненавязчиво, в игровой, полупешотливой манере мотивируют к нему, утверждают положительную роль книги в развитии нравственных качеств ребёнка и подростка.

Ключевые слова: русская литература XVIII в., сентиментализм, тема становления личности, детская литература, М.Н. Муравьев, С.Т. Аксаков, В.П. Крапивин, Ф.А. Камалов, Б.Г. Вайнер

Книге и чтению в отечественной литературной традиции всегда отводилось особое место [1]. В Новое время повышенное внимание к этой важной проблеме во многом оказалось связано со становлением и эволюцией сентиментализма. Активизация интереса к сентименталистской модели (сюжетам, образам, мотивам)¹ чаще всего приходится на те периоды в развитии литературы, когда осознаётся необходимость гуманизации культуры и образования, роста их нравственно-этического и духовного потенциала. Так, Э.М. Жилякова на примере творчества И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского убедительно доказала, что в 40–50-е годы XIX в. – эпоху становления реализма – сентиментализм получил новую жизнь [6, с. 4].

¹ Подробнее об этом см. в современных исследованиях [2–5].

Традиции сентиментализма продолжают активно использоваться в современной детской литературе. По замечанию М.В. Иванова, «детская тема, детскость характера, детское простодушие потому и вошли в сентиментальную традицию, что стали частью доброго отношения к несовершенной жизни, в которой вызревает добро» [2, с. 327]. Немаловажно, что в русском семейном быту через увлечение русской и зарубежной сентиментальной литературой формируется культ чтения, умной беседы, распространяется дружеская переписка, в которой делятся впечатлениями от прочитанного, появляется мода на дневники, интеллектуальные воспоминания, что нашло отражение и в художественных произведениях XVIII – XX вв. В контексте истоков зарождения данной традиции в русской литературе Нового времени показательно и интересно сопоставить повесть М.Н. Муравьёва «Обитатель предместья» (ок. 1790) с произведениями С.Т. Аксакова «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука», входящими в его автобиографическую трилогию (1840–1856).

Традицию художественного осмысления того, как происходит формирование нравственных и духовных качеств у молодого человека, в русской литературе Нового времени заложили М.Н. Муравьёв и Н.М. Карамзин («Рыцарь нашего времени», 1802–1803). Особую роль в этом плане сыграла повесть «Обитатель предместья», в которой М.Н. Муравьёв создаёт сентиментальную модель, до сих пор не потерявшую своего значения в русской литературе. В данном произведении писатель реализовал нравственный идеал гармонии сельской жизни, возвысил роль чтения в жизни человека, возвеличил семью и дружбу в качестве основ не только общества, но и государства. Вслед за М.В. Ивановым отметим, что, как и в творчестве А.С. Пушкина, в художественном мире М.Н. Муравьёва и С.Т. Аксакова сентиментальная модель стала «элементом философского осмысления жизни» [2, с. 175].

В «Обитателе предместья» создаётся идиллическая картина сельской жизни: «Не выезжая из города, пользуясь всеми удовольствиями деревни затем, что живу в предместии. <...> Мой домик очень мал и невиден, но я не променяю его на великолепнейшие здания, восходящие к облакам и поддерживаемые столпами»² (Мур., с. 70). В произведениях С.Т. Аксакова сельская идиллия представлена в реалистической поэтике, в них мы наблюдаем не только противопоставление городской и сельской жизни, но и сознательный выбор героев. В частности, примечательны слова отца Сергея – Алексея Степановича, который считал своим долгом после смерти отца не допустить нарушения гармонии усадьбы: «Он говорил, что “без хозяина скоро портится порядок и что через несколько лет не узнаешь на Старого, ни Нового Багрова”» (Акс., с. 286).

Преемственные связи автобиографических произведений С.Т. Аксакова с повестью М.Н. Муравьёва проявляются также в вопросах духовности и веры. В «Обитателе предместья» воплощением духовной чистоты и добродетели является священник – «старый и почтения достойный человек», который даёт своим прихожанам благоразумные советы, позволяющие им ощущать себя счастливыми людьми: «...Ибо он научил нас находить счастье в добродетели и исполнении должностей наших, а не в удовольствовании ежечасных прихотей,

² Здесь и далее в работе орфография и пунктуация сохраняются в соответствии с оригиналом. – А.Г.

которые никогда не кончатся» (Мур., с. 71). В обоих произведениях герои, которые не соблюдают Божьих законов, оказываются несчастными, несут моральное наказание. В «Обитателе предместья» Неслётов после смерти жены Софьи, несправедливо им оскорблённой, искренне раскаивается и наказывает себя отдалением детей. В «Семейной хронике» идею неминуемого наказания за греховные деяния С.Т. Аксаков показывает на примере судьбы Михаила Максимовича Куролесова, убитого его дворовыми.

В произведениях М.Н. Муравьёва и С.Т. Аксакова утверждается сентиментальный идеал, состоящий в высокой оценке дружественных и семейных связей. Например, герой повести «Обитатель предместья» замечает: «Я имею приятелей, потому что без дружества человеку жизнь была бы неприятна. Как можно жить одному! Любить только самого себя! Никому не быть полезну!.. Нет, чувствую живо в сердце моём, что человек сотворён для общества: я получаю от него столько выгод! Оно имело попечение о воспитании моём, оно меня покровительствует, защищает от насилия неприятелей оружием, от обид согражданина моего – законами» (Мур., с. 71). В «Семейной хронике» по традиции, восходящей к сентиментальной прозе и к повести «Обитатель предместья», одной из высших ценностей представляется семейная жизнь. Обретение счастья происходит в любви и дружбе с родителями, братьями и сестрами, родными; даже помещики и крепостные рассматриваются как большая семья. В такой атмосфере растёт Сережа Багров.

В произведениях М.Н. Муравьёва и С.Т. Аксакова провозглашается культ чтения, в центр повествования поставлен читающий герой. В «Обитателе предместья» подчёркивается, что книга должна быть «полезной и приятной»: герой читает «повести прошедших веков или трогательные истины нравоучителей» (Мур., с. 72). В «Детских годах...» мы узнаём о круге чтения ребёнка конца XVIII – начала XIX вв., в который входят журналы «Детское чтение для сердца и разума», «Древняя Вивлиофика», «Россиада» М.М. Хераскова, полное собрание сочинений А.П. Сумарокова: «Заглянув в “Вивлиофику”, я оставил её в покое, а “Россиаду” и сочинения Сумарокова читал с жадностью и с восторженным увлечением... Самое любимое моё дело было читать ей [матери] вслух “Россиаду” и получать от неё разные объяснения на не понимаемые мною слова и целые выражения. Я обыкновенно читал с таким горячим сочувствием, воображение моё так живо воспроизводило лица любимых героев: Мстиславского, князя Курбского и Палецкого, что я как будто видел и знал их давно; я дорисовывал их образы, дополнял их жизнь и с увлечением описывал их наружность; я подробно рассказывал, что они делали перед сражением и после сражения, как советовался с ними царь, как благодарил их за храбрые подвиги, и прочая и прочая» (Акс., с. 261). С любовью к чтению могла соперничать только любовь к природе: «Но до чтения ли, до письма ли было тут, когда душистые черемухи зацветают, когда пучок на берёзах лопается, когда чёрные кусты смородины опушаются беловатым пухом распускающихся сморщенных листочков» (Акс., с. 356).

В современной детской и подростковой литературе активно развиваются традиции, заложенные русскими писателями XVIII – XIX вв. Прежде всего лучшие детские произведения художественно убедительно изображают читающего

героя, утверждают положительную роль книги и чтения при формировании нравственных качеств личности ребенка и подростка.

Например, в рассказах и повестях В.П. Крапивина, входящих в цикл «Шестая Бастионная. Рассказы и повести об улицах детства» (1979–2002), представлены образы читающих детей, в художественное повествование включаются цитаты или пересказы художественных и научно-популярных книг, которые читают герои. Процесс чтения опозитивирован, это очень важно для формирования в читателе-ребёнке устойчивого интереса к чтению. Уже по данной причине произведения автора несут в себе положительный воспитательный заряд, однако В.П. Крапивин не ограничивается этим. В рассказе «Путешествие по старым тетрадам» (1986) он с большой долей самоиронии ведёт серьёзный разговор с маленьким читателем о назначении книги, о самом процессе создания художественного произведения. Напомним, что автору романа «Остров Привидения» (1981) было чуть больше семи лет. В рассказе «Мокрые цветы» (1986), обращаясь к типичной для своей прозы теме Севастополя, морской романтики, В.П. Крапивин вспоминает о первом знакомстве с творчеством А.С. Грина. Писатель, назвав известные произведения А.С. Грина («Бегущая по волнам», «Командант порта»), не пересказывает их содержание, доверяя читателю, его начитанности, а, что важнее, передаёт эмоциональное состояние героя после прочтения книги А.С. Грина: «Я встряхнулся. Надо было немного прийти в себя, иначе можно совсем свихнуться от сумбура мыслей и чувств, вызванных этой книжкой: от восторга и ясной печали после гриновских рассказов; от горького сожаления, что медики не разрешили поступать в мореходку; от зависти и грустного сознания, что, если когда-нибудь научусь писать рассказы и даже (вдруг и правда?!) напечатают мою книжку, всё равно с такой силой мастерства писать я никогда не сумею...» (Крап., с. 238).

Знакомство с героями произведений А.С. Грина позволило автобиографическому герою рассказа В.П. Крапивина преодолеть свой страх перед первым прыжком с вышки: «...Ясное ощущение, что нельзя быть трусом, когда есть такие книги, такие люди, как Грин, такие мальчишки, сняло с меня липкую боязнь, как неожиданный взмах ветра снял духоту» (Крап., с. 241).

К числу приёмов В.П. Крапивина, которые должны убедить читателя в достоверности повествования, можно отнести подчёркнутую автобиографичность: повести и рассказы данного цикла написаны от первого лица, в них излагаются факты из жизни самого писателя и его друзей – как взрослых, так и подростков. Лейтмотивом цикла является любовь к морским путешествиям, знакомство с историей Севастополя и его маленькими и взрослыми жителями.

Особую роль в цикле выполняют книги, которые читают герои. Они позволяют создать исторический контекст (воссоздать историю защиты Севастополя, например). Так, в рассказе «Далеко-далеко от моря» автобиографический персонаж впервые узнаёт о Севастополе из повести С.Т. Григорьева «Малахов курган»: «...Я читал ещё. На второй раз и на третий. Не спеша. Про Веньку и про Нахимова, про гибель кораблей, затопленных у входа в бухту, и про матросов на бастионах. В книге было много печального, но сильнее печали была гордость. Спокойная такая гордость людей, которые дрались до конца и сделали всё, что могли. Тогда я впервые, смутно ещё, почувствовал, что в самые тяжкие

дни гордость для человека может быть утешением... Если он держался до последнего, если не сдался...» (Крап., с. 123).

Творчество Фёдора (Фильдруса) Ахтямовича Камалова (1942–1999) детям менее известно, чем творчество В.П. Крапивина, но, на наш взгляд, оно тоже должно быть включено в круг чтения современных детей. Искренность и непосредственность его повести «Здравствуй, Артём!», впервые опубликованной в 1980 г. в журнале «Пионер» (№ 5–7), достигаются повествованием от первого лица: семиклассник Артём Остролуцкий рассказывает о себе и своих друзьях, с которыми происходят различные приключения. И хотя главный герой ещё только подросток, но он задумывается о том, как осчастливить всех, даже ценой собственных страданий; он признаётся, что в нём одновременно, как в матрёшке, уживаются 6-7 разных Артёмов, но тем не менее он остаётся самым обыкновенным мальчишкой. Повесть Ф.А. Камалова написана лёгким ироничным языком, в ней отсутствуют нравоучения, потому что всё происходящее мы видим через восприятие героя-подростка, зафиксированное в его записях. Повесть начинается с вопроса: «Много ли человек знает про себя? Много ли может написать о себе?» (Кам.). Ф.А. Камалов создаёт образ рефлексирующего подростка, который вслушивается в себя, хотя этот процесс проходит непросто: «По какому праву этот внутренний голос пристаёт ко мне, постоянно смущает меня? Кто он? Что это за голос? Может, совесть? Чем я взрослее, тем чаще слышу в себе внутренние голоса» (Кам.).

Герои повести Ф.А. Камалова ценят дружбу. У Артёма есть верные друзья-одноклассники, с которыми он дружит уже с первого класса: Мишка Сивец (Отшельник) и Серёжка Мельников. Это простые мальчишки из обычной школы, что и вызывает доверие читателя, при этом каждый наделён оригинальным характером, а вся тройка дружит по принципу взаимного дополнения. Самый начитанный в этой компании Мишка Сивец – Отшельник, который «начал говорить пословицами и даже афоризмами с раннего детства» (Кам.). Своей начитанностью Отшельник завоевал особое уважение сверстников, Артём так отзывается о нём: «Я отношусь к Отшельнику примерно так же, как француз к своей Эйфелевой башне: сам давно не удивляется этому чуду, привык, но ревниво смотрит, чтобы удивлялись другие. Отшельник, едва научился читать, стал выискивать в книгах умные мысли, высказывания мудрецов. Потом завёл толстую тетрадь, которую назвал “Жемчужины”» (Кам.). Вот некоторые афоризмы, обильно рассыпанные на страницах повести в высказываниях Отшельника: «Умный поймёт, если моргнуть, дурак – если толкнуть», «Не та рыба умная, что прячется в глубинах, а та, что живёт у поверхности и не ловится на крючок», «Из двух спорящих прав умный, а из двух ссорящихся виноват умный», «Надо стараться быть не похожим, а – лучше» (Кам.).

С Отшельником в повести связана история, которая позволяет сделать вывод об ответственности автора за свои публикации. Речь идёт об областной газете, которая «постоянно печатала статьи одного кандидата сельскохозяйственных наук о злаках, парнокопытных и пресмыкающихся. Кандидат считал себя, видимо, большим специалистом по всему живому, что ходило, летало и ползало» (Кам.). Отшельник, с детства увлекавшийся зоологией, переписывался с несколькими зоологами и юннатскими кружками при зоопарках, поэтому его возмутила

неточность в статье учёного, заявившего, что кобра – самая ядовитая змея. Ф.А. Камалов далее описывает забавную историю о том, что семиклассника по его обстоятельным письмам во время научной дискуссии приняли за взрослого человека, и приводит информацию о повадках змей. Этот эпизод позволяет в занимательной форме познакомить читателя-подростка с научно-популярной литературой, создать положительную мотивацию к её чтению. Следует, кроме того, отметить лёгкий для восприятия, образный стиль повествования, имитирующий речь подростка: «Я потешался, наблюдая за битвой Отшельника. Да это просто упрямство, казалось мне, ерунда. Мне тогда и в голову не приходило, что вот так Отшельник быстрее нас набирается ума-разума.

Похудевший Отшельник нырнул в океан научных журналов. Я бы там сразу утонул. Незнающим может показаться, что в этих журналах тишь, благодать и сплошное сиреневое благополучие. На самом деле по страницам таких журналов ходят штормовые волны учёных споров» (Кам.).

Тема чтения и роли книги в жизни человека включается в повесть «Здравствуй, Артём!» через задание учительницы литературы Василисы Андреевны назвать пять книг, которые можно взять с собой, улетая в космос. Снова в занимательной форме составляется список любимых книг. От 5 томов Большой Советской энциклопедии до приключений и фантастики, даже Отшельник включил в список «пару шпионов и одного сыщика» (Кам.). Лучшим списком назван подбор Вали Воропаевой: «Дон Кихот», «Путешествия Гулливера», «Маленький принц», сборник современных писателей и поэтов и «что-нибудь из фантастики». Учительница так комментирует её выбор: «В Валином списке прослеживается не только развитие литературы, но и развитие, движение человечества. Учитывая эти замечания, ещё раз составьте списки, уже качественно новые» (Кам.). Таким образом, в повести Фёдора Камалова не только представлен образ читающего подростка, но и ненавязчиво в игровой полушутливой манере создана положительная мотивация к чтению и даны рекомендации по поводу выбора книг.

Автобиографичность повествования и образ читающего подростка представлены в творчестве известных казанских писателей Б.Г. Вайнера и А.Х. Мушинского, в произведениях которых персонажи любят читать, воспитываются на детской русской и зарубежной классике. В повести о своём детстве «У дороги чибис» (2012) Б.Г. Вайнер затрагивает и самое раннее детство, проведённое в городе Бугульме, хотя действие в основном происходит в Казани. Герой повести Б.Г. Вайнера подчёркнуто автобиографичен. Как о естественной реальности советского детства в интеллигентной семье Б.Г. Вайнер рассказывает о домашней библиотеке, положительном воздействии примера читающих родителей: «Но книги родители любили, и у нас была неплохая по тем временам библиотека, добытая, как и всякий советский дефицит, в очередях. Помню, как однажды отец, ликуя и слегка навеселе, явился домой с очередным трофеем, ухваченным с книжного прилавка на центральной бугульминской площади, – “Следопытами в стране анималькулей”. Этот детский науч-поп по истории микробиологии я проглотил за пару дней и до сих пор, встретив где-нибудь в журнальной статье имя “Левенгук”, вспоминаю тот бугульминский июнь и радостного папу с томиком в голубом картоне» (Вайн., с. 158).

В повести Б.Г. Вайнера в занимательной, слегка ироничной манере даётся увлекательный обзор круга чтения подростка 50–60-х годов XX в., в который входят не только традиционные для современных подростков произведения, но и малоизвестные. Это позволяет автору включить в ткань своего повествования впечатление о прочитанной в детстве книге: «Читал я тогда много. Опустив пока “джентльменский набор” детской классики, расскажу о книге, сегодня почти забытой – “Похищении в Тютюрлистане” поляка Войтеха Жукровского. Она меня поразила. Это была сказка, но сказка, которая отличалась от всех до той поры мною читанных. История была не просто волшебная, а и странная, хотя там, как и положено, спасали заколдованную принцессу. <...> Разумеется, у меня были “Тысяча и одна ночь” и “Сказки народов мира”, “Старик Хоттабыч” и “Дикая собака Динго”, “Голова профессора Доуэля” и “Остров сокровищ”, “Капитан Сорви-голова” и “Янки при дворе короля Артура”, и много чего ещё» (Вайн., с. 159). В повести Б.Г. Вайнера, как и в трилогии С.Т. Аксакова, мы воспринимаем события в жизни героя-подростка в ретроспективе через воспоминания уже повзрослевшего персонажа, что позволяет узнать современную авторскую оценку рассказанных им событий. В повести, так же как и в рассказе В.П. Крапивина, показан путь главного героя в литературу. Б.Г. Вайнер избрал интонацию душевного разговора с понимающим читателем-другом, с которым можно и пошутить, и поговорить о серьёзном; в повести отсутствует какая бы то ни было назидательность, что и привлекает читателя-подростка.

В круг чтения современного подростка мог бы войти и роман «Шейх и звездочёт» (1991) А.Х. Мушинского – произведение, отличающееся глубоким психологизмом. Книги А.Х. Мушинского можно отнести к интеллектуальной прозе, которой свойственны многочисленные философские отступления. В творчестве писателя выстраивается своеобразный «казанский текст», синтезирующий историческое, легендарное и современное, раскрывается многомерность жизни и культуры города. В этом произведении показано положительное влияние среды, книг, а главное, взрослых на формирование подростка. В романе А.Х. Мушинского, как и в повести Б.Г. Вайнера, отчётливо проявляются запоминающиеся черты города детства – Казани. Своеобразной инициацией для главного героя становится ужасное событие, которое произошло в 30-е годы двадцатого столетия в Казани – низвержение памятника Г.Р. Державину (заметим, что в 2003 г. он восстановлен). Данное происшествие автор показывает глазами своего героя Николая Новикова, который делает слабую попытку заступиться за памятник, что утверждает его репутацию «неблагонадёжного» человека (Муш.). Показательно, что этот эпизод стал нравственным испытанием для героя, который с честью его выдержал. В то же время эмоциональное повествование от первого лица позволяет и современному читателю снова пережить это варварское, абсурдное для интеллигентного, культурного человека событие. Писатель ещё задолго до восстановления памятника в Казани актуализирует этот вопрос, что совмещается с проблемой нашего отношения к истории, к прошлому.

Таким образом, традиции сентименталистской прозы, заложенные в русской литературе М.Н. Муравьевым и Н.М. Карамзиным, а затем воспринятые и преобразованные С.Т. Аксаковым, актуализируются в современной детской и подростковой литературе, где традиционно присутствует образ читающего ребёнка,

поднимаются вопросы нравственного становления подростков, осмысливается роль семьи в современном мире, утверждается непреходящая ценность дружбы. Активное внедрение в круг детского чтения произведений М.Н. Муравьёва, Н.М. Карамзина, С.Т. Аксакова, В.П. Крапивина, Ф.А. Камалова и Б.Г. Вайнера позволит художественными средствами сформировать у современного «нечитающего поколения» любовь к книге, сохранить лучшие традиции собирания домашних библиотек, а также эмоционально мотивировать детей на вдумчивое чтение и рефлекссию.

Источники

- Мур. – *Муравьёв М.Н.* Обитатель предместья // Русская сентиментальная повесть. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – С. 70–89.
- Акс. – *Аксаков С.Т.* Избранное. – М.: Моск. рабочий, 1987. – 544 с.
- Крап. – *Крапивин В.П.* Шестая Бастионная. Рассказы и повести об улицах детства // Крапивин В.П. Собр. соч.: в 9 т. – Екатеринбург: Изд-во «91», 1992. – Т. 1. – С. 101–346.
- Кам. – *Камалов Ф.А.* Здравствуй, Артём! – URL: <http://www.libros.am/book/read/id/239622/slug/zdravstvujj-artem>, свободный.
- Вайн. – *Вайнер Б.Г.* У дороги чибис // Казан. альманах. – 2012. – № 8. – С. 157–173.
- Муш. – *Мушинский А.Х.* Шейх и звездочёт. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2002. – 286 с.

Литература

1. Чтение: рецепция и интерпретация: Сб. науч. ст.: в 2 ч. – Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2011.
2. *Иванов М.В.* Судьба русского сентиментализма. – СПб.: Эйдос, 1996. – 336 с.
3. *Кочеткова Н.Д.* Герой русского сентиментализма. Чтение в жизни «чувствительного героя» // Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте. – Л.: Наука, 1983. – Сб. 14. – С. 121–142.
4. *Паикуров А.Н.* Поздний русский сентиментализм: диалог идиллического и элегического. – Казань: Казан. ун-т, 2010. – 126 с.
5. *Сапченко Л.А.* Н.М. Карамзин: судьба наследия (Век XIX). – Ульяновск: УлГУ, 2003. – 379 с.
6. *Жилякова Э.М.* Традиции сентиментализма в русской литературе 1840–1850-х годов (Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Свердловск, 1991. – 40 с.

Поступила в редакцию
27.11.15

Галимуллина Альфия Фоатовна, доктор педагогических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: alfiya_gali1000@mail.ru

**The Importance of Books and Reading for the Personality Development of Adolescents
in the Russian Literature of the 18th–21st Centuries (M.N. Murav'ev, S.T. Aksakov,
V.P. Krapivin, F.A. Kamalov, and B.G. Weiner)**

A.F. Galimullina

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: alfiya_gali1000@mail.ru

Received November 27, 2015

Abstract

The paper considers the problem of personality development of young people in the Russian literature of the 18th–21st centuries. The continuity of the traditions established in the Russian literature of the 18th–19th centuries is observed based on the autobiographical prose of M.N. Murav'ev (“An Inhabitant of the Suburbs”), S.T. Aksakov (“The Childhood Years of Bagrov Grandson”, “The Family Chronicles”), V.P. Krapivin (“The Sixth Bastion”), F.A. Kamalov (“Hello, Artem!”), and B.G. Weiner (“A Lapwing along the Road”). These authors refer in their works to the acute problems of childhood and adolescence: moral and spiritual development of the young person, confrontation between the good and evil among children and in their souls, questions concerning protection of the world of children from adults, and relationships between adults and children. The conclusion is made that modern literary works addressed to children form a sustained interest in reading by motivating to it in enjoyable, playful, and seriocomic manner. They proclaim the positive role of books in the development of moral qualities of children and adolescents.

Keywords: Russian literature of the 18th century, sentimentalism, problem of personality development, children's literature, M.N. Murav'ev, S.T. Aksakov, V.P. Krapivin, F.A. Kamalov, B.G. Weiner

Для цитирования: Галимуллина А.Ф. Роль книги и чтения в становлении личности подростка в русской литературе XVIII – XXI вв. (М.Н. Муравьев, С.Т. Аксаков, В.П. Крапивин, Ф.А. Камалов, Б.Г. Вайнер) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 1. – С. 117–125.

For citation: Galimullina A.F. The importance of books and reading for the personality development of adolescents in the Russian literature of the 18th–21st centuries (M.N. Murav'ev, S.T. Aksakov, V.P. Krapivin, F.A. Kamalov, and B.G. Weiner). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 1, pp. 117–125. (In Russian)